

WORLD CLASSICS BOOKS

ВЕРА
КРЫЖАНОВСКАЯ

МЕСТЬ ЕВРЕЯ

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К85

Крыжановская В.И.

К85 Мечь еврея / В.И. Крыжановская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 526 с. — (World Classics Books).

История развития литературы — понятие куда более обширное, чем можно предположить, и куда более сложное, чем может вообразить студент-первокурсник филологического факультета. Неизменно всякий выбор «лучших книг» и «обязательных к прочтению» писателей сопровождается беспощадным отсечением жемчужин мысли от одобренной нормы и «золотого стандарта». За бортом остается множество гениев, признанных и непризнанных, и шедевров мировой литературы. Книги серии «World Classics Books» — попытка расширить устоявшееся в умах понятие классических книг и обязательных для образованного человека авторов, предложив читателю произведения, о которых он либо совсем не слышал, либо знаком очень издавна. Однако представленные в серии труды — в некотором роде веховые этапы на сложном пути развития мировой литературы, без которых трудно составить представления о различных жанрах, литературных школах и целых эпохах развития мировой культуры.

На обложке представлена репродукция картины Андерса Цорна «Порт Гамбурга», 1891, Национальный музей, Стокгольм.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА I	7
ГЛАВА II	25
ГЛАВА III	47
ГЛАВА IV	63
ГЛАВА V	95
ГЛАВА VI	135
ГЛАВА VII	153
ГЛАВА VIII	185
ГЛАВА IX	215
ГЛАВА X	233
 ЧАСТЬ ВТОРАЯ	 277
ГЛАВА I	279
ГЛАВА II	309
ГЛАВА III	323
ГЛАВА IV	351
ГЛАВА V	363
ГЛАВА VI	387

ΓΛΑΒΑ VII	425
ΓΛΑΒΑ VIII	439
ΓΛΑΒΑ IX	469
ΓΛΑΒΑ X	489
ΓΛΑΒΑ XI	507

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Стоял прекрасный весенний день. Щегольская карета, запряженная парой кровных лошадей, мчалась по оживленным улицам Пешта и остановилась у подъезда дома аристократической части города, а ливрейный лакей отворил дверцы экипажа. Из него проворно вышел молодой человек и, слегка кивнув головой на почтительный поклон швейцара, медленно стал подниматься по широкой лестнице с золочеными перилами в первый этаж.

— Батюшка вас спрашивал, сударь, — сказал лакей вошедшему, снимая с него пальто. — Теперь он в конторе, но просил вас подождать его в кабинете.

Молодой человек, не отвечая, прошел несколько комнат и вошел в кабинет отца. Это была большая комната, убранная с претензией на роскошь. Мебель с позолотой, мягкий ковер на полу, столы, уставленные драгоценными произведениями искусства, — все это гармонировало между собой. Лишь одно огромное бюро, заваленное бумагами, и большой массивный нестораемый шкаф свидетельствовали, что это кабинет делового человека.

Пройдясь нетерпеливо несколько раз по комнате, молодой человек бросился в кресло и, откинув голову на спинку, задумался.

Старый банкир Авраам Мейер был тип еврея, который, выйдя из ничтожества, создал себе неизвестно как огромное богатство. Родился он в жалкой лавчонке маленького провинциального города и был сначала мелким торговцем. С коробом на спине исходил он

всю страну вдоль и поперек, не пропуская ни одного угла. Расчетливый и неутомимый, сопутствуемый той счастливой удачей, которая неизменно связана с работой еврея, Авраам быстро сколотил себе маленький капитал, и счастливая спекуляция сделала из него богатого человека, а время — банкира-миллионера. Хотя он сам остался евреем душой и телом, строгим блюстителем Мойсеева закона, но своему единственному сыну дал хорошее образование.

Самуил, родившийся после двенадцатилетнего бесплодного супружества и стоивший жизни матери, был идолом старика Мейера. Для него он работал, непрерывно накапливая богатство, для его образования он ничего не упустил из вида, и Самуил Мейер, надо сознаться, прекрасно воспользовался предоставленными ему средствами. Блистательно учился он сперва под руководством лучших профессоров, а затем в университете. По окончании курса наук он путешествовал, и это дало ему окончательную полировку. Он говорил на шести языках, хорошо рисовал и был прекрасным музыкантом.

Богато одаренный, но гордый и страстный, Самуил ненавидел свое еврейское происхождение, которое было причиной многих его неприятностей и замыкало ему двери действительно аристократических кругов, куда он так жаждал проникнуть.

Отец предоставил ему полную свободу. Он жил богато, занимался спортом, поддерживал отношения со своими старыми школьными товарищами и золотой молодежью, которые охотно посещали его и еще охотнее, при случае, занимали у него деньги.

Старые приятели Авраама Мейера выговаривали ему, что сын его никогда не посещал синагоги и открыто не исполнял предписанный закон, постоянно вращаясь в обществе христиан и следуя их обычаям.

Старый банкир отвечал на это со сдержанным смехом:

— Пусть веселится, пока молод! Христиане сами стараются разочаровать его в своей дружбе, а когда он отрезвится, то вернется к вере отцов, которая все же живет в его сердце. Самуилу всего 25 лет, он добросовестный работник, у него есть деловое чутье и, когда пройдут увлечения молодости, он будет моим достойным преемником.

Довольно долгое время прошло после его приезда, но он этого не заметил, занятый своими думами. Тихо приподнялась бархатная портьера, и старик с седой бородой, худой и сгорбленный, остановился на пороге и пытливый взглядом посмотрел на сидевшего в кресле и погруженного в думы Самуила.

В эту минуту тот встал и, запустив руки в свои густые волосы, задыхающимся от злобы и отчаяния голосом сказал:

— О, какое проклятие принадлежать к этой презираемой расе, клеймо которой не может стереть ни образование, ни богатство!

— Ты ошибаешься, сын мой. Золото покоряет самые застарелые предрассудки, и гордые христиане низко кланяются еврею, чтоб получить от него презренный металл, который, пройдя через наши руки, не оставляет на себе клейма. Но с каких пор, — спросил банкир, тщательно запирая за собой дверь, — тебе при-

шла странная мысль презирать свой народ и желать быть христианином? Или мало их бывает у нас? — заключил он с лукавой улыбкой.

— Да, у нас бывают те, у кого дела с нами или которые тебе обязаны и потому боятся тебя обижать, — сказал Самуил. — И все-таки несмотря на наше гостеприимство, несмотря на их учтивость и мнимый тон равенства, который они принимают, в их отношении к нам звучит нота, от которой закипает моя кровь. Скольким моим старым школьным товарищам, скольким офицерам, толпящимся на наших балах, я помогал, не требуя ни гроша обратно, между тем, они, при случае, нередко давали мне чувствовать, какая пропасть разделяет нас.

— Это высокомерные и неблагодарные глупцы, как все гои, — сказал старый банкир, садясь в кресло. — Ты вот понимаешь, что эти люди приходят к нам лишь из-за материальных интересов, а между тем, сам хочешь быть членом их общества. Но ты не прав перед богом отцов наших, Самуил. Не дал ли он тебе все, чтобы быть счастливым и даже возбуждать зависть? Ты молод, здоров телом и духом, богат. Берегись, Самуил, провиниться перед Богом, вступая в слишком дружеские сношения с нашими врагами; они будут тебя ласкать, пока им это нужно, и оттолкнут, как нечистую собаку, как только будут в силах обойтись без тебя.

Но раз мы заговорили на эту тему, я хочу спросить тебя, сын мой, что с тобой? Вот уже несколько месяцев я с прискорбием замечаю в тебе перемену: ты бледен, рассеян, нервен и плохо занимаешься делами. Скажи, что волнует тебя?